

ЮЛИЯ БЕЛЯЕВА

ОТРАЖЁННЫЙ
ОГОНЬ

Юлия Беляева

Отражённый Огонь

<https://litres.ru/73997491>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре женщины, четыре души, четыре шага через тьму. Если ты не боишься – возьми меня за руку и иди за мной. Я проведу тебя через огонь, боль, тень, бездну – и ты взлетишь на звёздных крыльях.

Тетралогия «Сотворение себя» – прежде чем обрести крылья, загляни в свою тьму.

Шаг 1. Отражённый огонь.

Крепость Валгор пала в кровавом пламени. Он получил незаживающую рану в памяти. Она – шрам на теле. Восемь лет он вспоминал девчонку со стены. Восемь лет она была чужой женой. Сегодня на балу Дракон смотрит на леди Глейс – и не узнаёт. Но его кровь зажигает Огонь и жаждет Отражения.

Охота объявлена. Ему нужна не чужая жена. Дракону нужна его Змея.

Шаг в пламя – и ты либо сгоришь, либо обретёшь себя.

Книга читается самостоятельно.

Содержание

Шаг 1	4
ПРОЛОГ. Валгор	5
Часть 1. ИСКРА	14
Глава 1. Холодный огонь	14
Глава 2. Право собственности	25
Глава 3. Яд в крови	34
Глава 4. Королевский капкан	43
Глава 5. Ложный след	51
Глава 6. Огонь на поражение	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юлия Беляева

Отражённый Огонь

Шаг 1

Сгорать – не значит стать пеплом.

Если ты не боишься – возьми меня за руку и следуй за мной.

Я проведу тебя через огонь.

Помни – будет жарко.

Но ты сможешь обрести себя.

ПРОЛОГ. Валгор

Холод. Он был первым, последним и единственным ощущением. Ледяной ветер с перевала Молчащих Духов выл в амбразурах крепости Валгор, вымещая ярость на каменных стенах и людях, которые осмелились занять клочок пограничной земли. Ламирійцы и эльдарцы восемьдесят лет спорили из-за этих скал. Причиной вражды стали кристаллы ардиума, найденные в недрах хребта. Эти камни, вобравшие в себя первозданную магию, стали желанны для обеих сторон – и для ламирійцев, народа змеиной крови, чьи маги черпали силы из глубин земли и ткали из неё чары, и для эльдарцев, потомков древних драконьих родов, для которых ардиум был топливом их огненной мощи. Спор перерос в стычки, стычки – в окопы, окопы – в эту проклятую крепость.

Юлиана Веймор, новоиспечённый лейтенант, выпускница военной академии «Стальной Щит», прижалась спиной к ледяному камню бойницы. Пальцы в грубых перчатках коченели на древке алебарды. Ей было двадцать два, и весь военный опыт умещался в три месяца гарнизонной службы, оборванной сегодня на рассвете рогом боевой тревоги.

«Так вот как пахнет настоящая война» – промелькнула бесцветная мысль в гудящей голове. Не парадом, не уставом, а смесью пота, страха, гари и сладковатой меди крови. Где-то внизу, у подножия стены, стонал раненый. Его скоро при-

кончат. Эльдарцы не брали пленных в таких вылазках.

Охранный контур нервно мерцал в ледяном воздухе, зияя прорехами от ночных зажигательных снарядов противника. Деревянные укрепления на крепостной стене нещадно чадили, забивая лёгкие едкой гарью. Защитники намотали на лица тряпки, чтобы хоть как-то дышать.

Грохот. Не такой, как от катапульты. Глухой, содрогающий землю. Будто сама гора кашлянула. Затем – нечеловеческий рёв. Древний, грудной, полный такой первобытной ярости, что у Юлианы сердце вжалось в ребра, а у стоявшего рядом юнца-лучника по штанам потекла тёплая струйка.

– Дракон! – закричал кто-то, и его голос сорвался в визг.
– Их принц! Игнийский!

Она рискнула выглянуть. От лагеря эльдарцев в сером предрассветном небе летел огромный дракон – воплощённое орудие войны. Ужасающе прекрасный, словно сошедший с древних фресок. Чёрная, отливающая синевой чешуя. Мощные взмахи крыльев рождали ураган. Пламя вырывалось из пасти сгустками белого жара, которые падали на деревянные укрепления ламирийцев и обращали их в угольные ямы за секунду. Воздух звенел от жара и криков.

И вот дракон развернулся и пошёл на штурм их участка стены. Юлиана увидела его глаза – даже на расстоянии они казались угольками в глубине черепа. В них не было ни ярости, ни ненависти.

– Щиты! – заорал сержант, и его тут же срезало шквалом

стрел с земли.

Инстинкт, вбитый муштрой, оказался сильнее страха. Юлиана откинула алебарду и рванула к бойнице, за которой уже виднелась расширяющаяся грудь чудовища. Не для атаки – для безумия. Она впиалась пальцами в выступ и приготовилась спрыгнуть вниз, в узкий проход, прежде чем пламя испепелит позицию.

Но пламя не пришло. В воздухе перед драконом вспыхнул, затрещав, массивный барьер из сияющих синих рун. Пламя ударило в него и расплескалось в стороны, как вода о скалу. Магический щит.

Рядом, на площадке для баллист, стоял молодой человек в потрёпанном мундире офицера-мага. Он был без повязки на лице, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу. Из вытянутых рук лился переливающийся поток синего света, а лицо искажало чудовищное напряжение. Капитан Арис Глейс. Выпускник ламирийской Академии магии, о котором все говорили как о восходящем даровании. Юлиана видела его пару раз – замкнутого, сосредоточенного.

Дракон, удивлённый помехой, отлетел, но барьер под его ударом треснул. Арис пошатнулся, из носа хлынула кровь. Юлиана метнулась к нему и встала за его спиной в упор. Она прижалась спиной к его спине, плечом к качающимся плечам, принимая на себя его вес как живой контрфорс. Её дыхание, хриплое и резкое, недвижимая стойка – всё это было единственной поддержкой, которую она могла оказать. Она

стала его стеной, чтобы он мог держать свою.

– Держитесь, капитан! – выкрикнула Юлиана, и голос, к удивлению, не дрогнул.

Он быстро взглянул на неё. В стальных глазах мелькнуло удивление: *ты ещё здесь, ты не сбежала?*

И в этот миг на стену, в двадцати шагах от них, обрушилась тьма в доспехах. Уже не чудовище. Воин. Человеческого роста, но движущийся с грацией нечеловеческой силы. Он рассекал защитников как серп спелую траву. Его длинный клинок сверкал в огнях пожаров, описывая дуги смерти. Он методично и уверенно шёл прямо на них – туда, где держался маг в сердце обороны.

Юлиана мрачно смотрела на приближающегося воина, поддерживая спиной капитана, и внутренне напрягалась, как пружина, готовая внезапно распрямиться. Она трезво оценила свои физические силы и его.

Снизу уже слышался лязг стали, ругань и крики – эльдарские отряды занимали крепость. Скоро они будут на стенах. Ждать больше нельзя. Резко оторвавшись от спины Ариса, Юлиана схватила валявшийся под ногами топорик стражи. Воин оказался рядом в три прыжка. Его взгляд, чёрный и бездонный, скользнул по ней, оценивая угрозу. И не нашёл.

Он атаковал с сокрушительной простотой – вертикальный рассекающий удар в плечо, чтобы сбить с пути. Юлиана не стала ловить его – её бы раздавило. Она рванулась внутрь атаки, под клинок, как учили в «Стальном Щите», и вон-

зила топорик в сочленение набедренника. Сталь скрипнула о сталь и соскользнула, лишь слегка порвав кожу. Но этого хватило.

Воин издал короткий, больше удивлённый, чем яростный звук. Его свободная рука молнией вылетела, чтобы схватить её за горло. Юлиана увернулась, но длинные пальцы со стальными когтями на перчатке рассекли, как перочинный нож, ремень её наплечника. Вскинутый клинок блеснул в лучах восходящего солнца и украсил её руку кровавым росчерком от локтя до плеча. Юлиану ошпарила острая жгучая боль. Тёплая кровь хлынула под доспех.

Она отпрыгнула за выступ бойницы, задыхаясь, прижимая раненую руку к груди. Сквозь бьющееся в висках сердце и пелену боли она подняла взгляд и поняла, кто перед ней. Это был Рендеэль Игнийский. Легенда, истинный безжалостный дракон, кронпринц Эльдарии. Даже в человеческом обличье он был воплощением огненной стихии. В чёрных глазах горел узнаваемый до дрожи огонь – яростный, абсолютный, голодный огонь дракона.

Воин быстро окинул её фигуру взглядом и понял, что это девушка так ловко подобралась к нему и смогла слегка ранить. В его глазах мелькнуло удивление и... что-то похожее на невольное уважение. На лице девушки была намотана тряпичная повязка, спасающая от дыма. Видны были только глаза. Зелёные, ледяные, полные расчётливой ярости. В них, как в зеркале, отразился его собственный огонь, и на миг ему

показалось, что он смотрит в глаза достойному врагу, запертому в хрупкое тело.

Но девушка, истекая кровью, завалилась навзничь, и Рендеэль почувствовал сожаление. С женщинами он любил воевать на другом поле. Скользя взглядом по её лежащему телу, он уже искал другую цель.

Из внутренней лестницы высыпали эльдарские воины. Без лишнего шума они рассыпались веером, вступая в бой с защитниками крепости.

Ламирийский маг всё ещё держал магический щит, мешая обстрелу стены. Прежде чем Рендеэль успел сомкнуть пальцы на горле мага, Арис развернулся. Барьер, который он держал, лопнул с оглушительным хрустальным звоном. Высвободившуюся энергию маг втянул в себя как ядовитый вздох. Его стальные глаза вспыхнули алым. А затем маг выдохнул. В пространство между ними ударила абсолютная тишина, обёрнутая в ледяной вихрь. Волна сконцентрированного ментального давления, смешанного с холодом, от которого застывала кровь в жилах. Рунические обереги на доспехах принца вспыхнули и погасли. Он замер на долю секунды, будто наткнулся на невидимую стену. Его чёрные глаза сузились, теперь уже с интересом разглядывая противника.

Но это была вся магия, на которую у Ариса хватило сил. Он не стал ждать. Пока Рендеэль преодолевал паралич, маг рванулся вперёд, и в его руке словно из ниоткуда появился короткий чёрный нож. Удар был молниеносным и смертель-

ным – прямо в горло. Но дракон уже оправился. Он не стал уворачиваться – свободная рука в латной перчатке встретила клинок в полёте. Металл вскипел, и нож, сломанный пополам, отлетел в сторону. Кулак дракона, всё ещё сжимавший эфес меча, со всей мощью ударил Ариса в солнечное сплетение.

Раздался глухой влажный звук. Маг отлетел на несколько шагов, ударился спиной о каменный зубец и осел, давясь кашлем и кровью. Магические силы окончательно покинули его, оставив только боль и пустоту. А победитель уже стоял над ним, поднимая меч для последнего удара.

– Рендеэль! Крепость наша! Пленных не убиваем! – раздался резкий женский крик кого-то из офицеров.

В этот момент с башни у главных ворот взметнулся столб чёрного дыма – сигнал прорыва. Основные силы эльдарцев ворвались внутрь.

Меч застыл в дюйме от горла мага. Убить его сейчас было бы стратегически правильно. Но это уже низко. Победа достигнута, а умирающий маг, обессилевший в тщетной попытке защитить жалкий форпост, был теперь просто частью пейзажа, ещё одним трупом среди многих. Он развернулся и пошёл прочь – к настоящей добыче, к складам с ардиумом и командному пункту.

Арис, сквозь туман боли и удушья, видел, как чёрный силуэт растворяется в дыму. Гортанные крики эльдарцев эхом шумели в голове. Но унижение жгло сильнее ран. Превозмо-

гая боль в сломанных рёбрах, он повернул голову и увидел тело девушки-лейтенанта, неподвижно лежащее у бойницы в луже собственной крови.

Эту девушку он видел среди новобранцев из «Стального Щита». Встречая её в столовой, он часто думал, зачем она прибыла сюда. Аристократка, красавица в военной форме. Арис вспомнил её изумрудные глаза и гордую осанку. Ночами он мечтал о ней, а сейчас эта девушка истекала кровью в хаосе чужой победы. Арис собрал все силы и встал. Влил в себя магический энергетик собственного изобретения и пошёл к Юлиане. Вокруг лежали тела убитых и раненых, через которые приходилось перешагивать.

Маг присел возле девушки, снял грязную повязку и посмотрел на её лицо – бледное, залитое кровью, но даже сейчас не сломленное. И вдруг понял, что не красота его тянула. А то, как она держала спину. Как не дрогнула, когда мир рушился.

Арис поднял её руку. Пульс прослушивался. Жива, но сильная кровопотеря – повреждена артерия. Он одним резким движением сорвал болтающийся наплечник и его ремнями перетянул рану выше. Юлиана с трудом разлепила глаза.

– Капитан? – прохрипела она.

– Всё кончено, Валгор пал, – отрывисто сказал маг. – Но ты – нет. Ты будешь жить.

Затем он схватил её, перекинул через плечо с нечелове-

ческой для его стройности силой и бросился к внутренней лестнице, ведущей в подземные убежища. Арис нырнул в темноту тоннеля. Его шёпот звучал в её сознании, уже теряющем связь с миром:

– Я сделаю так, что ты никогда больше не вернёшься в этот ад. Я обещаю.

Часть 1. ИСКРА

Глава 1. Холодный огонь

Леди Юлиана Глейс не танцевала. Она стояла у мраморной колонны, и бальная суэта обтекала её, как вода ледяной утёс. Восемь лет перемирия между Ламирией и Эльдарией праздновали с размахом: зал гудел, воздух плавился от запахов духов, вина и цветочных гирлянд. Но для неё этот гул оставался где-то далеко. Она ждала.

Высокая, с гордой осанкой и кожей, словно никогда не знавшей солнца, она казалась статуей в серебристо-сером муаре. Чёрные волосы, стянутые в строгий узел, открывали длинную шею – единственное, что в её облике выглядело уязвимым. Платье сидело безупречно, подчёркивая тонкую талию, высокую грудь. Но сама она смотрела на зал спокойно и ясно, будто наблюдала за чем-то давно знакомым и не слишком интересным.

Рядом не было мужа, Верховного мага Ариса. Он задерживался на переговорах о поставках ардиума, который когда-то стоил крови на стенах Валгора. И это одиночество делало её заметной. Слишком заметной. Она уже чувствовала на себе чужие взгляды – оценивающие, любопытные. Один из них, самый цепкий, исходил от дальней колонны, где в

тени стояла пожилая дама в бордовом. Герцогиня Агинская, тётка короля. Её узкие глаза уже не раз останавливались на Юлиане – и всякий раз, когда та ловила этот взгляд, герцогиня невозмутимо отводила его. Но Юлиана знала: каждая деталь будет увидена, оценена, доложена по назначению.

Внезапно гул голосов в зале перекрыл звонкий голос герольда:

– Его Высочество кронпринц Эльдарии Рендеэль Игнийский!

Юлиана не обернулась на звук. Она и так знала, кого увидит. Кого ждала весь вечер. И все же, выплеснутое в воздух огненное имя, прошло холодком вдоль позвоночника, отозвалось внезапной тишиной в крови.

Когда Рендеэль Игнийский вошёл в зал, Юлиана почувствовала это всей кожей. Раскалённый ветер с призрачным запахом гари, снега и камня – память о другом дне, другой жизни.

Он был высок, широкоплеч, в тёмно-синем мундире с золотым шитьём, на голову выше толпы. В чёрных глазах читалась привычная уверенность. Он улыбался, кивал склоняющимся придворным, но взгляд скользил по лицам – он сам не знал, что ищет, пока не нашёл.

Всё вокруг для него будто приглушилось. Он увидел её – статную, спокойную, холодно-прекрасную. Что-то внутри дрогнуло, зацепилось. Не просто красота. Эта ледяная грация стояла здесь, среди блеска и фальши, но пахло от неё

ВЫЗОВОМ.

– Ваше Высочество? – тихо окликнул сопровождающий.

– Кто это? – Рендеэль не отводил глаз.

Придворный взглянул и слегка побледнел:

– Леди Юлиана Глейс. Супруга Верховного мага Ариса.

– Глейс... – повторил Рендеэль, пробуя имя на вкус. Где-то на задворках памяти шевельнулось что-то смутное, но он отогнал это. – Интересно.

– Ваше Высочество, будьте осторожны. Её муж... он не просто маг. Он очень могущественен. И ревнив.

Рендеэль кивнул, но шагнул вперёд. Не из упрямства, а из внутреннего зова, который был старше разума. Он шёл через зал, и люди расступались. Шепотки ползли за ним: «Смотри, он идёт к Глейс», «Как он смеет?», «Её муж...».

Юлиана обернулась. Музыка, смех, шелест платьев – всё спрессовалось в далёкий гул. Остались только его глаза – чёрные, глубокие, как угольки в черепе дракона.

Её левая рука, лежавшая на веере, дрогнула. Под перчаткой, под слоями муара, старый шрам отозвался тихим напоминанием. О том, что некоторые встречи оставляют следы, которые не стираются годами.

Она медленно, с ледяным усилием воли разжала пальцы на веере и опустила руку. Дыхание – ровное. Лицо – маска. Она позволила бальному залу вернуться, заглушив призрачный рёв в ушах. Он думает, что начинает игру? Он даже не подозревает, что этот разговор ждал своего часа восемь лет.

Когда Рендеэль остановился перед ней, её лицо было безупречным полотном спокойствия. Зелёные глаза встретили его тёмные.

«Ты ищешь красавицу, дракон, – прошептала мысль где-то в глубине, где пряталась та окровавленная девчонка. – Но нашёл призрак. И этот призрак не боится тебя».

Он слегка склонил голову:

– Леди Глейс. Рендеэль Игнийский. Простите за дерзость, но я не мог не подойти. Вы затмили собой весь вечер. Позвольте пригласить вас на танец?

Тишина вокруг стала осязаемой. Каждая секунда промедления обсуждалась бы потом. Отказать – невежливо, вызовет вопросы. Согласиться – признать правила его игры.

Юлиана не смотрела в сторону герцогини, но знала, что та сейчас наблюдает, прикидывая, какую ценность имеет эта сцена для донесений королю.

– Вы очень любезны, Ваше Высочество. Конечно.

Он протянул руку. Его пальцы – тёплые, сильные – сомкнулись вокруг её ладони. Даже сквозь перчатку она чувствовала их уверенность. И свою собственную дрожь. В момент соприкосновения под кожей что-то ёкнуло – слабый, ледяной толчок. Будто два магнита насильно свели вместе одноимёнными полюсами. Юлиана едва заметно вздрогнула. Рендеэль приподнял бровь – он тоже что-то почувствовал. Станный импульс. Неловкость? Нет, что-то иное.

Музыка сменилась медленным вальсом. Он вёл легко,

уверенно, его рука на её талии была твёрдой и властной. Платье муара вдруг показалось грубым, как бинты, корсет сжимал рёбра – будто она снова в доспехах. Юлиана смотрела куда-то за его плечо, позволяя телу двигаться автоматически, пока разум бушевал.

«Он не узнал меня», – пронеслось в голове холодной волной. Облегчение? Оскорбление? Он видел платье, причёску, прямую спину. Не видел шрама. Не помнил лица в грязи и крови.

Но она помнила. И сейчас, глядя на его уверенную улыбку, её охватила холодная ярость. Ярость того, кого стёрли из памяти как незначительную деталь.

– Странно, – вдруг сказала она, и собственный голос прозвучал со спокойствием, которого она в себе не чувствовала.

– Что странно, леди? – заинтересованно откликнулся кронпринц. Его взгляд изучал её профиль.

– У меня такое чувство, будто ваше лицо мне знакомо, Ваше Высочество. Возможно, с какой-то гравюры или из старых хроник.

Он мягко рассмеялся, и рука на её талии стала чуть увереннее, ведя в плавном повороте:

– О, в хрониках обычно изображают суровых воинов или мудрых правителей. Я надеюсь, хоть на второе немного похож?

– Надежда – прекрасная вещь. – Юлиана позволила себе тонкую, почти незаметную улыбку. – Особенно когда речь

идёт о мире. Говорят, он такой хрупкий, наш мир. Как старинное стекло – кажется прочным, но помнит каждую трещину.

Его рука на её талии замерла на долю секунды. Мускулы под камзолом напряглись. Взгляд стал внимательнее, острее.

– Вы говорите о мире с такой... личной интонацией, леди.

– Разве мир – не личное дело каждого? – Юлиана, наконец посмотрела ему прямо в глаза. – Особенно для тех, кто знает, какой ценой он достаётся. И как легко его разбить одним неосторожным движением.

В его чёрных глазах что-то промелькнуло. Не узнавание – смутное ощущение дежавю, тень образа, который не хочет складываться в картину. Память дракона хранила только значимые победы, а не царапины от сломанного оружия. Он снова отогнал это чувство.

– Героизм часто граничит с безрассудством, – сказал Рендеэль, и улыбка вернулась, но стала чуть менее беспечной. – Но это делает истории захватывающими. Легенды рождаются из таких несоответствий.

– О, да. – Она смотрела на него, и в зелёной глубине на миг сверкнул отблеск далёкого пламени. – Истории имеют свойство возвращаться. В самых неожиданных обличьях. И к самым неожиданным людям. Не находите?

Рендеэль замолчал. Вальс кружил их, но между ними повисла звенящая пустота. Он всматривался в неё теперь не как в красивую женщину – как в шифр. Как в карту, где зна-

комые контуры вдруг складывались в узор, смысла которого он не мог ухватить.

– Вы загадочны, леди, – наконец произнёс он, и в его тоне не было игривости. Только внимание. Опасное и заинтересованное. – И, кажется, знаете больше, чем говорите.

– Это не загадка, Ваше Высочество. – Она не сделала реверанса. Просто смотрела ему в глаза, пока музыка не стихла. – Это опыт. Тот, который не записывают в хрониках.

Её рука выскользнула из его пальцев. Юлиана развернулась и пошла прочь, чувствуя, как мужской взгляд жжёт спину. Не спешила. Каждый шаг был отмерен. Но под корсетом сердце колотилось, как в тот день, когда она бросалась под его клинок.

Проходя мимо колонны, где стояла герцогиня, Юлиана встретилась с ней взглядом. Та не отвела глаз – лишь чуть наклонила голову, словно принимая к сведению всё, что только что произошло. Скоро об этом будет знать король.

Она вышла в ночную прохладу, но тепло чужой руки на талии не растворялось – оно жгло немим предупреждением и странным, невыносимым обещанием.

Балкон тонул в темноте. Слабый свет из зала падал на каменные плиты, но здесь, в тени, можно было спрятаться. Юлиана с силой вцепилась в холодные перила. Только сейчас, оставшись одна, она позволила себе дышать. Глубоко, рвано, как после боя.

Маска упала. Перед глазами всё ещё стоял кронпринц –

чёрные глаза, изучающие её лицо, его рука на талии, этот проклятый танец, в котором каждое ее слово било в цель, но он не понял. Не вспомнил. Для него она была просто красивой женщиной, женой мага, ледяной статуей в серебристом муаре.

А для неё он был тем, кто чуть не убил её, даже не заметив. Она провела ладонью по левой руке, туда, где под тканью платья прятался старый рубец. Сколько раз она касалась его за эти восемь лет? Сколько раз думала, что этот шрам – единственное, что связывает её с той девушкой, которая стояла на стене Валгора, которая посмела броситься на дракона?

Теперь той девушки не существовало. Арис позаботился. После падения крепости, когда он вытащил её из кровавого месива и потратил месяцы на то, чтобы вернуть к жизни, он сделал нечто большее. Он стёр её из военных хроник. Убрал все упоминания о лейтенанте Веймор, защищавшей приграничный форпост. Заменял на сухие строчки: «эвакуирована, награждена, комиссована по ранению». Чтобы её имя осталось чистым. Чтобы никто не тыкал пальцем: «Смотрите, жена Верховного мага когда-то была простым солдатом». Чтобы она могла войти в высший свет без клейма кровавой бойни и испорченной репутации.

Он сделал это из любви. Из всепоглощающей, удушающей любви, которая часто казалась клеткой.

И Рендеэль Игнийский никогда не узнает. Никогда не пой-

мёт, что женщина, которую он только что держал в объятиях, – та самая девчонка с ледяными глазами, посмевавшая дать ему отпор. Для него она останется просто леди Глейс, женой мага, красивым дополнением к интерьеру.

Горечь подкатила к горлу. Чего она хотела? Чтобы он узнал? Чтобы посмотрел на неё с тем же удивлённым признанием, мелькнувшим в его глазах восемь лет назад, когда он понял, что его ранила девушка? Чтобы сказал: «А, это ты»? Тогда это будет скандал со сложными последствиями.

Она зажмурилась, вцепившись в перила так, что камень, казалось, должен был треснуть. Нет. Пусть не узнаёт. Пусть остаётся в неведении. Это безопаснее. Это правильнее. Но почему тогда внутри так больно? Почему это «невыносимое обещание» жжёт сильнее, чем сам шрам?

– Леди Юлиана.

Голос за спиной был тихим, но от него по спине пробежал холодок. Юлиана медленно обернулась, натягивая маску обратно с той скоростью, с какой солдат вскидывает щит.

В тени балконного проёма стояла герцогиня Агинская. Бордовое платье делало её почти невидимой, только глаза поблёскивали в полумраке – цепкие, умные, оценивающие.

– Ваша Светлость, – голос Юлианы прозвучал ровно, без тени той бури, что только что бушевала внутри. – Решили подышать воздухом?

– Решила убедиться, что с вами всё в порядке, – герцогиня сделала шаг вперёд, и свет из зала упал на её лицо –

невозмутимое, как у карточного игрока, знающего все козыри противника. – Вы очень быстро покинули зал после танца с Его Высочеством.

– Танец закончился. Мне стало душно.

– Понимаю. – Герцогиня чуть склонила голову. В её голосе не было ни сочувствия, ни осуждения. – Его Высочество произвёл впечатление на многих.

Юлиана промолчала. Ветер шевелил волосы, выбившиеся из причёски, но она не поправляла их.

– Завтра об этом будут говорить, – продолжила герцогиня, будто размышляя вслух. – О танце. О том, как кронпринц Эльдарии смотрел на жену Верховного мага Ламирии. Сплетни – опасная вещь, леди. Особенно когда за ними стоят реальные интересы.

– Я понимаю, – ответила Юлиана коротко.

– Понимаете. – Герцогиня кивнула, и в этом кивке было что-то похожее на одобрение. – Тогда, полагаю, вы так же понимаете, что завтра Его Величество захочет услышать мою версию событий. – Она сделала паузу, давая словам осесть в воздухе. – Я скажу, что танец был безупречен с точки зрения этикета. Ничего более.

Юлиана посмотрела на неё в упор. Герцогиня не отвела взгляда – пожилая женщина с глазами, видевшими слишком много дворцовых интриг, чтобы тратить время на пустые угрозы.

– Благодарю, Ваша Светлость, – тихо сказала Юлиана.

– Не благодарите. – Герцогиня развернулась, но на пороге замерла. – Просто помните: в этой игре у вас есть союзники, даже если вы о них не просили. Но и цена ошибки будет высокой.

Она исчезла в свете зала так же бесшумно, как появилась. Юлиана осталась одна. Ветер стих, и ночная тишина сомкнулась вокруг неё, плотная и глухая. Она ещё раз провела пальцами по левой руке, там, где под тканью прятался шрам. Память о Валгоре. Память о том, кем она была. И о том, кем стала.

Она глубоко вздохнула, поправила выбившуюся прядь и шагнула обратно в свет. Маска была надёжно закреплена. В конце концов, она училась носить её восемь лет. Ещё один вечер ничего не изменит.

Глава 2. Право собственности

Музыка лилась, но прежней лёгкости в воздухе уже не было. Её вытеснила новая, пронзительная струна напряжения, которая внезапно лопнула.

Двери главной залы распахнулись, впуская двоих: сияющего золотым великолепием короля Валториса Ламирийского и человека, шедшего рядом с ним. Верховного мага Ариса.

Если король был солнцем, то Арис был ночью – глубокой, абсолютной и беззвёздной. Чёрный бархатный камзол, расшитый приглушённым серебром, притягивал и поглощал свет. Его аура полыхала незримой, давящей силой, исходящей холодными волнами. Арис вошёл тихо, но все без исключения повернули головы. Гул смолк, уступив место напряжённой звенящей тишине.

Стальные глаза Верховного мага медленно обвели зал и нашли Юлиану. Задержались на ней. И тут же, не меняя выражения, перешли на Рендеэля, стоявшего неподалёку.

Арис всё понял за долю секунды. Кронпринц Эльдарии стоял слишком близко к его жене и прожигал её взглядом. Пристальным, заинтересованным, который Арис узнавал слишком хорошо. Это был взгляд охотника, уловившего аромат добычи.

В ушах мага на миг заглушилась музыка. Вместо неё прорезался один-единственный звук из прошлого – гулкий, ро-

кочущий выдох драконьего пламени, пожирающего деревянные укрепления Валгора. И этот звук предвещал хаос, боль и потерю. Сознание, отточенное годами магии и наблюдений, мгновенно соединило точки: эльдарский принц. Драконья кровь. Угроза рядом с его женой.

Ни одна мышца на лице Ариса не дрогнула. Не было ни вспышки гнева, ни намёка на ревность в привычном понимании. Лишь мгновенная мобилизация всех ресурсов. Холодный, ясный расчёт архитектора, видящего, как чужак встал у единственной несущей стены его мира.

– Ваше Величество, позвольте отлучиться и выразить восхищение и почтение моей супруге, заскучавшей в одиночестве, – склонившись, прошептал Арис на ухо королю.

Тот с лёгкой, понимающей усмешкой кивнул и направился к послам. Арис же пошёл прямо, и толпа расступалась перед магом. Он не смотрел ни на кого, кроме неё, но боковым зрением фиксировал каждый микрожест Рендеэля, каждый его вдох.

Подойдя, не произнёс ни слова приветствия. Просто протянул открытую ладонь. Голос был тихим, но прорезал тишину, как раскалённый металл режет лёд.

– Моя леди. Прости, что заставил ждать.

Юлиана повернулась к мужу. В зелёных глазах вспыхнула и погасла смесь облегчения и того трепета, который знаком лишь ему. Вложила свою руку в его.

Пальцы сомкнулись вокруг её кисти властно и плотно. На

долю секунды – на грани боли. Словно проверял, цела ли связь, не растворилась ли она в чаду этого зала, под чужим взглядом. Его большой палец лёг на внутреннюю сторону запястья, ощущая частый пульс, провёл по невидимой через ткань линии – короткое, утверждающее движение: «Эта женщина моя».

Затем поднёс её руку к губам. Обжигающе тёплые губы прильнули к тонкой ткани перчатки, касаясь внутренней части запястья. Поцелуй – вызов приличиям, но Арис желал показать всем: она – его. И он имеет право целовать свою жену где и как захочет.

– Теперь ты танцуешь со мной, – сказал он мягко, но в голосе вибрировала стальная нить приказа, облечённого в шёпот. – Только со мной. Больше ни с кем. Особенно – не с ним.

Арис повёл Юлиану в центр бального зала. В танце он стёр все границы, словно проводил ритуал утверждения. Каждым прикосновением он стирал возможный след чужого присутствия, чужого внимания. Притянув её так близко, что между их телами не оставалось места для тени, наклонился, и губы почти коснулись её уха. Он начал шептать. Слова были просты, банальны – о погоде, о духоте в зале. Но тон был другим. Низким, густым, гипнотизирующим. Таким, каким он когда-то шептал заклинания стабилизации, когда её жизнь утекала сквозь рану на руке. Это был голос, призванный вернуть её из любого места, куда мог унести взгляд постороннего. Обратно. В его реальность и защиту.

Прокручивая Юлиану в танце, он поправил кольцо на шею жены. Его пальцы скользнули по цепочке, а указательный встал на камень в ложбинке между ключиц. Прижал – и в этот миг его взгляд намеренно и холодно нашёл Рендеэля через зал. Не просто бросая вызов, а утверждая: «Видишь эту точку? Это центр её мира. И мой палец на нём. Доступ к этому центру – только у меня. Всегда был. Всегда будет».

Рендеэль стоял вполоборота к собеседнику, пожилому ламирийскому дипломату, который что-то увлечённо рассказывал о тонкостях торговых соглашений. Он слушал ровно настолько, чтобы при необходимости кивнуть в нужном месте. Но всё его внимание, всё существо было там – в центре зала, где двое кружились в танце, слишком близко друг к другу.

Кронпринц видел всё. Как рука мага легла на женскую талию чуть ниже, чем позволял этикет. Как он шептал ей что-то, касаясь губами уха. Как пальцы поправляли кольцо – это движение Рендеэль считывал с кристальной ясностью. Утверждение. Метка. Вызов, брошенный ему лично.

И когда их взгляды встретились через пространство зала – сталь и пламя, – Рендеэль не моргнул. Он смотрел прямо, не отводя глаз. В чёрных глазах дракона вспыхнул холодный, сосредоточенный интерес. Он смотрел на Ариса не как на врага, а как на задачу, которую предстоит решить. Как на крепость, чьи стены уже измерены и слабые места нанесены на карту. Уголок губ дрогнул в едва уловимой усмешке – иг-

ра будет интересной.

Взгляд Рендеэля скользнул дальше – на Юлиану. На линию спины, открытую вырезом платья. На то, как она держится в руках этого мага – неприступно и одновременно так, что у дракона внутри всё сжималось от предвкушения.

«Охраняй своё сокровище, маг, – беззвучно проговорил он про себя. – Охраняй так крепко, как только можешь. Потому что охота только начинается, и я никогда не упускаю то, что выбрал».

Собеседник что-то спросил, и Рендеэль перевёл на него вежливый, рассеянный взгляд. Но краем глаза продолжал следить за танцем. До самого конца.

Прозвучали последние аккорды. Арис развернул Юлиану спиной к себе, прижал к груди. Его руки скрестились у неё на животе, подбородок коснулся виска. Закрыв глаза на мгновение, вдыхая знакомый запах волос. И только тогда, держа её так, в акте окончательного укрытия, поднял глаза и встретился взглядом с Рендеэлем.

Музыка отзвучала. Арис медленно разомкнул объятия, но тут же отточенным движением завладел локтем жены, прижав к своему боку. Поза не оставляла сомнений: это сокровище под охраной.

– Спасибо, мой свет, – сказал маг громче, и в голосе вновь зазвучали привычные, бархатные нотки. Но пальцы всё ещё сжимали локоть чуть сильнее, чем нужно. – Ты, как всегда, возвращаешь меня из мира цифр и договоров. Теперь я весь

твой. Хотя... – он вновь наклонился, и его шёпот теперь был умышленно слышен окружающим, полный лёгкой, искусственной усталости, – мне кажется, мы уже опаздываем. Тебе нужен покой. Сегодняшний вечер и так был насыщенным.

Слово «насыщенным» он произнёс с лёгким, едва уловимым напряжением в челюсти. Взгляд, брошенный в сторону Рендеэля, был краток и пуст – как будто он смотрел на колонну или вазу. Недостойный объекта внимания.

Верховный маг поклонился королю и повёл Юлиану к выходу. Он не обернулся. Не удостоил кронпринца даже мимолётным взглядом на прощание. Ритуал был завершён. Без единого выстрела. Без грубого слова. Он просто восстановил нарушенный баланс своей вселенной. Вернул всё на свои места – свою жену, при нём, в безопасности под сенью его воли.

Рендеэль смотрел вслед супругам. Долго, не отрываясь, пока они не скрылись за дверями. И в чёрных глазах горел огонь – тихий, сосредоточенный, голодный. Огонь дракона, который выбрал добычу и готов ждать столько, сколько потребуется. Или штурмовать.

Карета мягко катила по мостовой, унося чету Глейс прочь от дворцовых огней. За окнами проплывал ночной Нагарад – тёмные силуэты домов, редкие магические фонари, разгоняющие тьму островками тёплого света. Город засыпал, равнодушный к тому, что произошло сегодня в его стенах.

Внутри кареты было тихо. Та особенная тишина, которая бывает громче любых слов. Юлиана сидела напротив мужа, их колени почти соприкасались в тесном пространстве. Она не отпускала его руку – держалась, как за единственную реальность в этом зыбком, ускользающем мире. Её пальцы сплелись с его, и она чувствовала каждую линию, каждую мозоль на ладони, которая когда-то вытащила её из кровавого ада Валгора.

Арис не двигался. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел на неё из полумрака. Стальные глаза блестя, отражая редкие вспышки уличных фонарей, и в этом блеске не было ни тепла, ни холода – только сосредоточенная, тяжёлая мысль. Он не говорил ни слова. Просто смотрел.

Юлиана отвела взгляд к окну, но не видела проплывающих мимо улиц. Перед глазами стояло другое – чёрные глаза, порочная усмешка, рука, коснувшаяся её талии в танце. Она всё ещё чувствовала это прикосновение сквозь ткань платья, и это злило. Злило, что тело помнит то, чему разум приказывает забыть.

«Он смотрел на меня так, будто я единственная женщина в зале. Будто вокруг не существовало никого. И это... это было...». – Она не дала мысли закончиться. Сжала пальцы мужа чуть крепче, словно проверяя, что он здесь, что реальность не ускользнула.

Арис не ответил на пожатие. Не потому что не заметил –

он замечал всё. Просто ему нужно было переварить то, что он видел сегодня. Взгляд Рендеэля, его улыбку, руку на талии жены. И свой собственный ответ – жест с колье, взгляд, брошенный через зал.

«Он понял, – думал Арис, глядя на профиль жены, освещённый редкими огнями. – Он понял всё. И не отступит. Такие не отступают».

В обоюдном молчании не было отчуждения, а было что-то иное – общее знание, которое не требовало слов. Они оба понимали, что этот вечер что-то изменил. Что-то сдвинулось в их мире, и обратного пути нет.

Юлиана перевела взгляд с окна на мужа. Встретилась с этим стальным взглядом, который не отпускал, не давал спрятаться.

– О чём ты думаешь? – спросила она тихо, почти шёпотом, боясь нарушить хрупкую тишину.

Арис молчал ещё несколько секунд. Потом его пальцы наконец ответили на пожатие, сжали ладонь так же крепко, как сжимала она.

– О том, что завтра мне предстоит много работы, – ответил он ровно. – А сегодня... сегодня ты со мной. И этого достаточно.

Она знала, что он не договаривает. Знала, что за этими словами скрывается буря, которую он никогда не покажет. Но сейчас, в этой карете, под мерный стук колёс, не нужны были слова. Ей нужно было только это – его рука в её руке,

его взгляд, его присутствие.

Карета свернула к особняку. Впереди ждала ночь, полная вопросов без ответов. Но пока они были вместе, это казалось неважным.

Почти неважным.

Глава 3. Яд в крови

В кабинете было тихо. Слишком тихо. Даже потрескивание поленьев в огне звучало приглушённо, будто сквозь вату. Арис замер у камина, держа в руках бокал. Его отсутствующий взгляд был прикован к пламени, но не видел его.

Он видел другое. Чёрные глаза принца, скользящие по Юлиане. Но за этим образом, будто проклятый фон, вставало воспоминание: тот же чёрный силуэт в дыму Валгора, поднимающий меч. Тогда была угроза ему. Сегодня – угроза его миру.

Юлиана вошла без стука. Она уже сняла бальное платье, и теперь на ней был лишь шёлковый халат, подпоясанный на талии. Влажные после купания волосы тёмной волной спадали на плечи. Она увидела мужа, замершего у камина, и в груди кольнула щемящая жалость, как отзвук старой боли.

Она подошла и встала перед ним, заслонив огонь.

– Арис, – позвала тихо.

Он медленно поднял глаза. В их глубине плескалась тяжёлая, сосредоточенная мысль.

– Зачем ты устроил это представление? – спросила Юлиана, стараясь, чтобы голос звучал легко. В её тоне проскользнула усталая усмешка. – Если ты хотел, чтобы все забыли о моём танце с принцем, ты своего добился. Теперь будут судачить только о том, как Верховный маг при всех целовал

запястье жене.

Маг не ответил. Он снова смотрел на огонь.

– Арис. – Она положила руки на его плечи.

– Я слышал.

– Тогда ответь. – Она прижалась к нему.

Он медленно повернул голову. В полумраке его глаза казались двумя тёмными провалами.

– А что ты хочешь услышать? – голос мага слишком ровным. – Что я ревную? Да. Что меня бесит, как он на тебя смотрел? Ещё как. Что я готов был убить его на месте? Тоже да.

Юлиана подняла бровь.

– Но?

– Но я не мальчишка, чтобы устраивать дуэли из-за взглядов.

– А поцелуй запястья при всех, дерзкий танец – это не дуэль? Ты же знаешь, что это вызов приличиям.

– Именно поэтому. – Супруг обнял её, и теперь она чувствовала исходящее от него напряжение, как от натянутой струны. – Чтобы он знал. И все остальные тоже.

– Что именно?

Арис прижал жену к себе, чтобы между ними не осталось расстояния.

– Что ты принадлежишь мне и никому больше, – ответил он с лихорадочным огнём в голосе. – Главное, чтобы ты помнила: это я спас и возвысил тебя.

Юлиана подняла голову, заглядывая ему в глаза. В их глубине она видела не только сталь – там бушевала буря, которую он сдерживал годами выучки и воли.

– Я помню об этом всегда и благодарна тебе, Арис, – сказала она тихо. – Но неужели ты серьёзно думаешь, что я убегу с первым встречным драконом?

– Нет. – Он провёл пальцем по её щеке, заправил за ухо выбившуюся прядь. Жест был почти нежным, но в нём чувствовалась та же собственническая властность, что и в танце. – Я думаю, что он не отступится. Такие не отступают.

– И что ты предлагаешь? Запереть меня в башне?

– Не поможет. – Уголок его губ дёрнулся в подобии усмешки. – Ты же сбежишь. Или тебя украдут.

– У меня есть собственная воля. Меня не украдут, если я не захочу, – сказала Юлиана твёрдо. – А сбегать я никуда не собираюсь.

Он покачал головой, но спорить не стал. Вместо этого притянул её к себе и уткнулся лицом в волосы, вдыхая знакомый запах.

– Просто... будь осторожна, – сказал он, и слова прозвучали приглушённо, утопая в её волосах. – С ним. Он не такой, как все.

– Я это уже поняла. – Она обняла его в ответ, чувствуя, как постепенно отпускает напряжение в мужских плечах. – Но ты же будешь меня охранять?

– Всегда.

– Даже если я буду специально его дразнить, чтобы посмотреть, как ты злишься?

Арис отстранился, взглядываясь в лицо жены. В его стальных глазах мелькнуло что-то – не то удивление, не то усталая нежность, не то тень ревности, которую он так тщательно прятал.

– Ты невозможная женщина, – прошептал он в её губы.

– Поэтому ты меня и любишь, – улыбнулась Юлиана.

– Поэтому, – эхом отозвался он.

И поцеловал требовательно, собственнически. Потому что после всего – после бала, после этих чёрных глаз, после собственной, с трудом сдерживаемой ярости – ему нужно было чувствовать её. Живую. Настоящую. Здесь.

Юлиана ответила. И в этом поцелуе было облегчение и то, что держало их вместе все эти восемь лет, несмотря ни на что.

Он подхватил её на руки и отнёс в спальню. Всё, что происходило потом, было странным освобождением. В его движениях не было привычной нежности, только неумолимая, почти одержимая сосредоточенность. Он заявлял права. Каждым прикосновением, каждым шёпотом в темноте. *«Здесь моя рука останавливала кровь».* *«Этот вздох я вернул тебе тогда».* *«Эта дрожь – моя, потому что я знаю, откуда она берётся».*

Для Юлианы это было мучительно и сладко одновременно. Ей не нужно было ничего доказывать, ничего объяснять.

Только быть его картой, его территорией, единственной истиной в мире, которую он выстроил вокруг неё.

Позже, когда она почти заснула в объятиях мужа, он обнял её сзади, прижав к себе. Дыхание выровнялось. Казалось, он спит. Но потом он произнёс, совсем тихо, будто записывал в лабораторный журнал последнюю строку:

– Яд нужно держать в крови. Контролируемо. Чтобы выработать иммунитет. Чтобы когда-нибудь... он перестал действовать.

Юлиана не ответила. Она лежала с открытыми глазами, чувствуя тяжесть его руки на своём животе. Арис говорил о яде чужого желания. Но в тот момент она поняла, что самый страшный яд – это знание. Знание того, что её мир построен на старых ранах, о которых ей всё время напоминают. И что человек, который должен быть её защитой, видит в любом чужом взгляде не угрозу ей, а угрозу целостности своей хрустальной иллюзии.

За окном догорала ночь.

Воздух в гостевых покоях был густым и неподвижным, будто вымершим. Рендеэль Игнийский стоял у арочного окна, впуская в комнату лишь слабый отсвет ночных огней Нагаграда. Город лежал внизу – чужой, усыпанный холодными самоцветами окон, мерцающих в темноте. Но он не видел ни огней, ни очертаний башен.

Перед внутренним взором настойчиво и неумолимо стоял

женский образ. Не просто лицо. Не просто красота. Совершенство, закованное в лёд. Линия профиля, отточенная, как клинок. Губы, не приглашающие, а повелевающие молчанием. И глаза – зелёные глубины, в которых отражался весь мир, но в них не было ни единой искры, принадлежащей этому миру. Эта холодность не отталкивала. Она манила. Как пустота манит тех, кто привык заполнять её своей волей.

Он вспомнил её тело в танце – живое, наполненное скрытой силой, которая узнаётся лишь на уровне инстинкта. Муар платья шелестел под его пальцами, но под ним чувствовалась упругая, тёплая плоть. Он помнил запах – чистый, как горный ветер после снегопада, с тёплой, сокровенной ноткой кожи. Этот аромат теперь преследовал его, вплетаясь в воздух комнаты, смешиваясь с запахом ламирийских благовоний.

И затем – её муж. Стальные глаза мага, в которых была ярость и уверенность. Абсолютная, бездонная, леденящая. Как он прикасался к ней! Каждое движение, словно ритуал – поправление ожерелья, рука на талии, шёпот у уха. Маг открыто помечал территорию. И она не сопротивлялась. Она принадлежала ему всецело.

В груди Рендеэля закипело нечто острое и чуждое. Он, наследник драконьего престола, привыкший брать то, что желал, столкнулся не с запретом, а с добровольной преданностью. И это сводило с ума сильнее любой крепостной стены.

Рендеэль отвернулся от окна, сжав кулаки. Воображение,

разгорячённое запретностью, принялось за работу – коварную, сладкую, унижительную.

Он представлял её здесь, в этих покоях. Не статуей, а живой, дрожащей. Как этот ледяной покров трескался бы под его пальцами. Он видел, как грубая ткань серебристого платья падает на пол, открывая кожу, которую он лишь угадывал. Белоснежную, сияющую, как перламутр в лунном свете.

Мысли скользили ниже, в область, где разум уступал место тёмному, сладкому огню. Он представлял, как его губы находят её. Как он заставляет эти холодные, совершенные линии разомкнуться под его напором, как чувствует её дыхание, которое на балу было таким ровным и неуловимым. Он хотел слышать не вежливые слова, а срывающийся стон, шёпот его имени.

И дальше – фантазия, от которой кровь ударяла в виски и заставляла жидкое пламя бурлить в жилах. Он видел её на своей постели в Эльдарии. Гордую спину, выгнутую не от надменности, а от желания. Как он раскрывает эту неприступную крепость не силой, а тем вожделием, которое должно тлеть подо льдом. Как он исследует, покоряет, заставляет каждую частицу этой холодной красоты вспыхнуть в его руках. Пока её изумрудные глаза не потемнеют от страсти, а не от высокомерия. Пока всё её безупречное самообладание не растворится в одном-единственном, диком, признающем его победу крике.

Но фоном к этим сладострастным видениям, как прокля-

тие, звучал внутренний голос: *«Он делает это с ней прямо сейчас»*.

Это было невыносимо. Рендеэль представлял её в объятиях мужа в покоях, которые должны быть их общими. Представлял, как тот делает с ней всё, о чём грезит сам. Как она принадлежит ему не по праву титула, а по праву того всепоглощающего пламени, которое пылало в глазах мага при одном лишь намёке на чужой интерес.

Горькая, унижительная ревность, смешанная с диким, неконтролируемым желанием, отравляла кровь. Рендеэль глубоко, с дрожью выдохнул. Желание было таким острым, что граничило с болью. Оно сотрясало изнутри, заставляя сердце биться тяжёлыми, глухими ударами. Дракон желал не просто женщину. Он желал трофей. Самый ценный, самый охраняемый, самый недостижимый. Желал отобрать его у мага, чья мощь и одержимость были равны его собственным.

И эта запретность, эта опасность, и осознание, что эта женщина – предел, которого он, возможно, никогда не достигнет, делали мечты о ней сладкими до боли и горькими до ярости.

Рендеэль с тоской посмотрел в клубящееся чужое небо. Ему хотелось распахнуть окно и взлететь над городом, чтобы ветер обдувал разгорячённую драконью кожу. Расправить крылья и выпустить огонь, который сжигал изнутри.

Ногу внезапно опалило огнём. Он с удивлением посмотрел вниз и увидел тлеющий ковёр. Рукава рубашки обугли-

лись от стекающей по рукам огненной магии.

Рендеэль отшатнулся от окна, оставив в стекле отпечатки своих горячих ладоней на фоне ночного города. Он потушил свечи, погрузив комнату в темноту, стараясь унять разбушевавшуюся в нём стихию. Но внутри продолжало бушевать яркое, жаркое, нездоровое пламя, разожжённое образом холодной леди в серебристом платье. Пламя, которое он не знал, как погасить. И, возможно, уже не хотел.

Оно было его ядом и наваждением. И в тишине этой чужой комнаты, под холодным светом чужих звёзд, он впервые позволил себе признать: эта женщина не просто добыча. Она – судьба, явившаяся в облике льда. И он, дракон, уже начал таять от её близости, даже не прикоснувшись к ней по-настоящему.

Часть

2. ОХОТА

Глава 4. Королевский капкан

Лёгкий туман ещё стелился над столицей Ламирии, когда кронпринц Рендеэль Игнийский получил донесения от своих людей. Он сидел в кресле, и с каждым прочитанным словом внутренний огонь, вечно тлевший в груди, разгорался ровнее и опаснее. Бумага пахла чернилами и чужими секретами, но среди них сверкала одна истина.

Она была не просто красива. Она была идеальна.

Строки докладов рисовали портрет, который заставлял его драконью природу глухо рокотать одобрением. Леди Юлиана Глейс была королевой без короны, осью, вокруг которой вращалась не просто светская жизнь, а сама культурная и отчасти политическая жизнь Ламирии. Это объясняло ту непоколебимую уверенность в её осанке. Но далее следовали детали, которые превращали статую на пьедестале в живую женщину, дышащую скрытой силой.

Высшее военное образование академии «Стальной Щит». Добровольная служба в гарнизоне на северной границе. Мысль о том, что эта утончённость была отточена в грязи и ледяном ветру пограничных застав, заставила его кровь пульсировать быстрее, узнавая родственную душу воина. То, что детали той службы были покрыты туманом, а её имя отсутствовало в открытых документах, лишь добавляло остроты – значит, там было что-то, что ламирийцы предпочли за-

быть или скрыть. Но сам факт оставался фактом: она держала в руках не только веер, но и меч, пусть и учебный.

Рендеэль читал о её виртуозной игре на рояле, свободном владении четырьмя языками, включая древний магический, о неформальном влиянии при дворе. Ум, талант, власть – всё это было заключено в безупречную оправу холодной, недоступной красоты. Она была вселенной, запертой в ледяной скорлупе, и дракон внутри Рендеэля Игнийского требовал эту вселенную для себя.

Но теперь не просто как трофей. В её холодности, силе и изолированном величии он видел странное, завораживающее отражение. Отражение своего собственного неуёмного пламени, одиночества на вершине, своей мощи, ищущей равного противовеса. Она была той самой противоположностью, что притягивает с силой гравитации, заставляя огонь жаждать льда, чтобы увидеть в нём своё подобие.

План сложился в его голове с холодной, хищной ясностью. Прямой натиск исключён – её ледяная стена и маг-страж были неприступны. Нужен был изящный, неоспоримый ход, который позволил бы пламени приблизиться ко льду, не растапливая его, но дав почувствовать тепло.

Рендеэль позвал секретаря. Чёрные глаза горели сосредоточенным, ровным огнём.

– Составьте обращение к Его Величеству Валторису Ламирийскому. От лица посольства Эльдарии. Мы, мол, поражены глубиной знаний и величием магических традиций ва-

шей державы. Как будущий правитель, жаждущий мудрости, я был бы бесконечно признателен за возможность лично посетить жемчужину вашего просвещения – Ламирийскую академию магии.

Он сделал паузу, наслаждаясь изяществом замысла.

– И, учитывая, что покровителем академии является столь уважаемая и просвещённая особа, как леди Юлиана Глейс, было бы величайшей честью, если бы она соблаговолила стать проводником в этот день. Её знания, несомненно, превайдут любого официального гида.

Отказать было нельзя. Это был дипломатически безупречный жест. Король Ламирии, ценящий свои институты и репутацию, не мог отказать будущему союзнику. А она оказалась в положении, где долг приковывал её к тому, от кого она хотела бежать.

Позднее утро застало короля Валториса в его роскошном кабинете. Монарх в задумчивости смотрел в окно на чёткие геометрические фигуры стриженных кустов. По дорожкам прогуливались придворные, и это создавало иллюзию умиротворения и неспешности жизни. Иллюзию роскоши. Пустую, как склады для ардиума. Он не спал уже третью ночь. Перед королём на столе из чёрного дерева лежали два документа. Слева – отчёт о поставках ардиума с цифрами, похожими на кровоточащие раны экономики. Справа – донесение о навязчивом интересе эльдарского кронпринца к

леди Юлиане Глейс.

Когда она вошла, воздух в кабинете наполнился напряжённой тишиной. Король встретил её у огромной карты Ламирии, где перевал Молчащих Духов был помечен чёрным штрихом, похожим на шрам. Рядом висели старые часы и отсчитывали секунды мерным ритмичным звуком. Тик-так. Тик-так.

– Леди Глейс, – голос короля был тихим, но каждое слово падало с весом свинцовой печати. – Вы знаете, что происходит в северных провинциях, когда ардиума не хватает на обогревающие кристаллы?

Он не ждал ответа. Его пальцы провели по карте от перевала к поселениям предгорья.

– Замерзают. Медленно. Мучительно. И пишут королю письма, которые я читаю каждое утро вместе с докладом о новых повышениях квот. – Он повернулся. Его светлые глаза были лишены упрёка – лишь холодной, вымороженной ясностью. – Дипломатия исчерпала себя. Слова закончились. Остались только жесты.

Юлиана стояла неподвижно. В её зелёных глазах, обычно таких ясных, промелькнула тень понимания. Она видела эту логику раньше. В «Стальном Щите» учили: когда прямые атаки не работают, нужен обходной манёвр. Часы на стене отсчитывали секунды.

– Кронпринц Рендеэль выразил желание посетить Академию магии, – продолжал король, и в его голосе появились

странные, тёплые нотки, похожие на сочувствие, но лишённые его сути. – Как её покровитель, вы сопроводите его завтра.

Она сделала незаметный вдох.

– Мои обязанности, аудиенции...

– Будут перенесены, – король перебил мягко, как отрезают ненужную ветвь. – Это больше, чем дипломатический визит. Это... геополитическая необходимость, одетая в светские одежды. – Он подошёл ближе. – Я знаю, что произошло в Валгоре. Всё знаю. И приказал скрыть детали по просьбе вашего мужа. Ваша боль стала государственной тайной. А тайны, как известно, – валюта.

Он позволил паузе затянуться, наблюдая, как эта мысль прорастает в ней. Тик-так. Тик-так.

– Он поймёт, что многое о вас скрыто, засекречено. Уже сейчас он смотрит на вас не как на женщину, а как на нерешённую задачу. На вызов, который бросила ему судьба восемь лет назад, когда вы остались живы. Драконы ненавидят незавершённость. – Король склонил голову, и в его взгляде появилось что-то, напоминающее уважение. – И это будет сводить его с ума. Внимание одержимого правителя – самый ценный ресурс в политике.

Юлиана молчала. Она чувствовала, как старый шрам на руке под тканью платья запульсировал памятью в такт часам. Тик-так. Тик-так.

– Мой муж... – начала она.

– Верховный маг будет завтра на заседании Совета с по-
слами Эльдарии, – завершил король её мысль. – Обсуждать
поставки ардиума. Поэтичная симметрия, не правда ли?

Он повернулся к окну. Город просыпался в розовой дым-
ке.

– Когда-то моя прабабка говорила: «Королевство держит-
ся на двух столпах – на силе меча и силе улыбки». Меч мы
уже обнажали. И проиграли. Теперь время улыбки. Но не
глупой, а мудрой. Улыбки, которая знает свою цену. – Он
обернулся. – Я не приказываю. Я предлагаю контекст. А пра-
вила игры в этом контексте определяете вы.

Юлиана посмотрела на него, как на стратега. Часы всё так
же отсчитывали секунды, но в её взгляде не было покорно-
сти. Была холодная, аналитическая ясность, как у офицера,
оценивающего карту местности перед боем.

– Контекст я поняла, Ваше Величество, – ответила Юли-
ана ровно, без дрожи. – Завтра в полдень. Академия магии.

Она совершила безупречный реверанс, но когда подняла
глаза, в их зелёной глубине горела решимость. О нет, она
не была пешкой. Она была конём – фигурой, чей ход может
изменить всю игру, потому что он непредсказуем.

Король едва заметно кивнул. Не как монарх вассалу. Как
игрок, признающий достойного противника на доске. Уда-
ляющиеся шаги леди Глейс звучали в тишине королевского
кабинета чётко и громко. Тик-так. Тик-так.

Когда Юлиана вышла, в душе бушевали противоречия:

ледяная ярость, страх и – далеко в глубине – острое, щемящее предвкушение игры. Рендеэль Игнийский хотел охоты. Хотел поднести факел ко льду. Что ж, он получит её. Но он недооценил леди. Она не была добычей для загона – она была солдатом. И даже шёлковое бельё не отменит этого факта.

Вечер в особняке Глейс на Северной улице был гнетуще тих. Арис отсутствовал, погружённый в дела. Леди Юлиана стояла перед зеркалом, и отражение напоминало ей о том, чей образ сейчас, вероятно, жжёт воображение кронпринца.

Да, ей было лестно. Вспоминались жар его взгляда, дерзкий шёпот, уверенность рук в танце. Это было опасно, возмутительно... и от этого пробежала запретная искра.

Юлиана резко отвернулась, одёргивая себя мыслями о долге, репутации, муже. С холодной решимостью она подошла к гардеробу. Её выбор пал на строгое платье цвета тёмного аспида, с высоким воротником и длинными рукавами – броню из атласа и хорошего тона. Никаких лишних драгоценностей, лишь обручальное кольцо и жемчужные серьги. Она должна была стать не женщиной, а олицетворением Академии.

Стратегия была проста: безупречная вежливость, дистанция, разговор только об истории магии. Юлиана порылась в памяти. Чем ещё можно отвлечь принца? Нужен отвлекающий манёвр – яркий образ. Например, тщеславная леди Катарина, которая могла бы переключить внимание дракона.

Лёжа в огромной пустой кровати, она выстраивала планы. Но в самой глубине души, где жило древнее чутьё, поднималась холодная правда: это бесполезно. Дракон вышел на охоту. Все эти ухищрения были бумажной стеной на пути лавины.

Она думала не о том, как избежать его. Она думала о том, как выиграть. Не сдаться – но и не убежать. Играть так, чтобы сохранить себя в этой игре, где ставками были её достоинство, её брак, её душа.

Юлиана повернулась на бок, к холодной половине кровати. Горькая ясность не давала уснуть – завтра ей предстояло сражаться. Каждым взглядом, каждым жестом, каждым ледяным словом. И она была готова. Не как жертва. Как равный противник на поле, которое ей навязали, но которое она превратит в свою территорию.

Глава 5. Ложный след

Утренний свет, робкий и размытый, наполнял будуар леди Юлианы Глейс, играя на хрустальных флаконах и серебряных щётках. Воздух пах лавандой и свежестью. Горничные, юные и говорливые, суетились вокруг госпожи, их щебет нарушал тягостную тишину, поселившуюся в особняке с отъездом хозяина.

– Ох, миледи, а правда, что кронпринц так статен, как о нём говорят? – с придыханием спросила рыжеволосая Ильма, осторожно расправляя складки строгого тёмно-синего платья, выбранного Юлианой.

– Говорят, у него аура такая... мощная! – подхватила круглолицая Мэри. – Мой двоюродный брат из дворцовой стражи рассказывал, что вчера две фрейлины чуть в обморок не упали, когда он проходил мимо!

Юлиана стояла неподвижно, позволяя им одевать себя, её лицо было бесстрастной маской. Она с лёгким, усталым презрением пропускала эти глупые рассказы мимо ушей.

– А ещё, – понизив голос, вступила Мэри, – моя тётка-прачка слышала от камеристки посольства... Говорят, драконы в любви ненасытны. И они страшные коллекционеры! Любят собирать красивых женщин, как трофеи.

Третья, самая любимая горничная госпожи, умница Эльза, только неодобрительно покачала головой.

Уголок губ Юлианы дрогнул в едва уловимой холодной усмешке. «Собирать трофеи». Да, это соответствовало хищному блеску в глазах Рендеэля Игнийского.

– А ещё... моя бабушка, она с эльдарского пограничья, рассказывала старую легенду, – добавила Ильма. – Что у драконьего рода бывают не просто пары, а... Отражённые. Будто два родственных пламени, или лёд и огонь, что видят в другом своё подобие, свою недостающую часть. И когда дракон находит такое Отражение, он уже не может смотреть в другую сторону. Это на всю жизнь, и даже древнее право рода это признаёт.

Словно ледяная стрела пронзила Юлиану с макушки до пят.

Отражённые.

Воздух из будуара словно выкачали. Весёлый щебет превратился в далёкий гул. Перед её внутренним взором всплыли обрывки полузабытых легенд, прочитанных когда-то в древних фолиантах.

«...драконья натура познаёт свою полноту лишь в Отражённой Паре...»

«...узнавание на уровне крови и сущности, влечение противоположностей, что дополняют друг друга...»

Лёд сменился острой, всепоглощающей паникой. Пальцы Юлианы, лежавшие на столешнице, сами собой впились в полированное дерево, костяшки побелели. Всё вставало на

свои места с ужасающей ясностью. Те странные ощущения на балу – резонанс, пробежавший между ними в момент, когда его пальцы коснулись её руки. Едва уловимый, но неоспоримый отклик, который она тогда отказывалась признать. Всё это обретало имя. Им двигало не просто желание, а древнее узнавание. То притяжение, что заставляет пламя тянуться ко льду, чтобы увидеть в нём своё отражение. И он, рождённый драконом, верил в законы своей крови.

Вся её тщательно продуманная стратегия рассыпалась в прах. Как можно бороться с правом, основанным на кровной магии драконьего рода и понятии судьбоносного отражения?

– Миледи? Вам нехорошо? – встревожилась Эльза, заметив, как побледнела госпожа.

Юлиана силой воли заставила себя разжать руку. Она медленно подняла голову и встретилась с собственным взглядом в зеркале. В зелёных глазах, обычно таких ясных, бушевала тихая буря.

– Всё в порядке, – голос прозвучал ровно, но глухо. – Продолжайте.

Когда последняя шпилька была воткнута в безупречную причёску, леди Юлиана подошла к окну. Она смотрела на солнечную столицу, но видела ловушку, чьи стены оказались выше и прочнее, чем виделись в начале. Она мысленно обратилась к Великой Ламире, покровительнице королевства: *«Пусть это будут просто сплетни. Пусть его интерес будет лишь капризом. Не дайте этому быть правдой».*

Но молитва звучала слабо в её собственной душе, уже отравленной подозрением, которое чувствовалось как липкая истина.

В Голубой гостиной расположились шесть придворных дам, созванных Юлианой. Они напоминали стайку ярких птиц. Леди Катарина – в платье с вызывающим декольте, остальные не отставали: шёлк, бархат, томные взгляды. Каждая мечтала привлечь внимание могущественного гостя. Воздух был пропитан ароматом чая и нервного ожидания.

А посреди этого цветущего сада – леди Юлиана. Суровая, тёмная линия в строгом платье, без единой лишней драгоценности. Она смотрела на них, и в душе клокотала сдержанная досада. Её план дал обратный эффект. Вместо того чтобы раствориться в стайке щебечущих дам, она выделялась. Как чёрный кипарис среди пионов. Юлиана сама не могла понять, почему весь её стратегический ум превращался в детский лепет при мысли о кронпринце Эльдарии.

В этот момент слуга доложил о прибытии Его Высочества Рендеэля Игнийского и открыл двери.

Сначала в гостиную вторглась аура, воздух словно сгустился – и вошёл он. Рендеэль позволил себе один быстрый, всеобъемлющий взгляд, оценивающий поле боя. Он увидел пёстрое полотно жаждущих внимания женских лиц. И посреди этого – её. Одинокую, гордую, нарочито простую фигуру. Идея была настолько прозрачна, что он едва сдержал

усмешку. Кронпринцу было полтора года лет. Он видел сотни таких уловок. И всё же... этот наивный, отчаянный манёвр леди Юлианы вызвал в нём не насмешку, а острое, жгучее любопытство.

Их взгляды встретились на мгновение. В её зелёных глазах он прочёл ледяную решимость, натянутую, как струна, и внутренний ужас, который она отчаянно пыталась скрыть.

Рендеэль Игнийский сделал несколько шагов вперёд. Вся его фигура излучала непринуждённую власть. Он склонил голову в общем поклоне.

– Леди. Я польщён таким ярким приёмом, – его низкий, бархатный голос заставил леди Катарину вздрогнуть от удовольствия. Все дамы словно устремились к нему, хотя никто не двинулся с места.

Рендеэль чуть усмехнулся, ощущая этот порыв, и его взгляд вернулся к Юлиане. Он подошёл к ней настолько естественно, что все остальные дамы будто исчезли.

– Леди Глейс, – он взял её руку. Прикосновение в белой перчатке было вежливым, но длилось на мгновение дольше. – Благодарю за приглашение. И за тщательно подобранное общество. Я вижу, вы стремитесь показать мне всё великолепие ламирийского двора. Однако, – он слегка наклонился, понизив голос так, чтобы слышала только она, – моим главным гидом были и остаётесь вы. Моя просвещённая проводница.

Он отпустил её руку и обвёл взглядом остальных дам.

– Не смею задерживать таких прекрасных леди надолго. Уверен, у каждой из вас сегодня масса важных дел.

Это был элегантный, но недвусмысленный отказ. Он вежливо и твёрдо отсекал весь её тактический манёвр. Его интерес был точно сфокусирован. И каждая дама поняла это, с сожалением покидая гостиную. Леди Катарина бросила на Юлиану злой взгляд через плечо, но Его Высочество отсек все переглядывания своей широкой спиной, затянутой в синий бархат.

Юлиана почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он понял. Увидел её игру и принял её. Но не как поражение, а как первый ход. Теперь Рендеэль смотрел на неё с тем выражением, с каким дракон с высоты скалы наблюдает за попытками добычи спрятаться в кустах. С терпеливым, хищным интересом.

– Прошу к столу, Ваше Высочество, – её голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком. – Надеюсь, наши скромные яства придутся вам по вкусу перед долгой прогулкой.

– О, леди Глейс, – он улыбнулся, и в чёрных глазах вспыхнул опасный огонёк, – будьте уверены. У меня отменный аппетит. И я предвкушаю сегодняшний день как никогда. Особенно ту его часть, что пройдёт в вашем обществе.

Он сделал шаг к столу, предлагая руку. Словно это он был хозяином, а она – гостьей. Игра была принята. Правила заданы. И теперь дракон готовился сделать свой первый, нето-

ропливый ход.

Глава 6. Огонь на поражение

Воздух в Голубой гостиной был пропитан ароматом чая и выпечки, но под этой благоуханной оболочкой вибрировало напряжение. Слова кронпринца, обронённые перед обедом – «отменный аппетит», «предвкушаю» – жгли сознание Юлианы, вызывая предательскую краску на щеках. Она злилась на себя за эту неловкость, за то, что не может совладать с собственным телом.

Она чувствовала присутствие Рендеэля всей кожей. Оно было физическим – тёплой, плотной аурой, которая тянулась к ней через пространство стола, через церемонные жесты слуг. Её собственное тело, к ужасу, отзывалось едва уловимой дрожью той струны, что была натянута между ними в день бала.

Чтобы заглушить внутреннюю бурю, она заставила себя есть, но вкус изысканных блюд был как вкус песка. Взгляд Юлианы упрямо блуждал по узорам на фарфоре, избегая принца. Но это было невозможно. Он сидел напротив. И когда их взгляды случайно встречались, она видела в чёрных глазах хищную, безжалостную ясность.

Единственным якорем была предстоящая экскурсия. Там будет публичность, стража, свидетели. Никаких намёков, никаких прикосновений. Только беседа об истории и магии.

Через час кабриолет, запряжённый парой вороных, мяг-

ко катил по залитым солнцем улицам Нагарада. Изначальная напряжённость начала таять под ласковыми лучами ламирийского солнца. Говоря о городе, который Юлиана знала и любила, она оживала. Голос её, обычно сдержанный, обрёл лёгкие, одушевлённые переливы.

Беседа стала почти дружелюбной. А когда она, смеясь, рассказала историю об упрямом посохе первого Верховного мага, застрявшем в холме и решившем судьбу Академии, Рендеэль от души рассмеялся. Его смех был низким, приятным, лишённым привычной напыщенности.

– Великолепно! Ваш Ламиред, я вижу, был драконом по духу, если не по крови! – сказал он, и в глазах светилось неподдельное восхищение.

Она рассмеялась.

– Вон там, видите? – Юлиана указала на изящную колокольню, уходящую в небо. – Собор Великой Ламиры. В хрониках говорится, что её строил зодчий, который влюбился в дочь настоятеля. Он так хотел, чтобы она увидела его творение с высоты, что сделал лестницу в триста ступеней. Но девушка слишком боялась высоты. А зодчий всё равно строил. Говорят, его дух до сих пор бродит по колокольне и вздыхает по ночам.

– И она так и не поднялась? – спросил Рендеэль, и в его голосе прозвучало что-то похожее на сочувствие.

– Нет. Она вышла замуж за торговца шёлком и уехала на юг. А колокольня осталась. – Юлиана пожала плечами. – Зна-

ете, иногда самые красивые вещи строят для тех, кто их никогда не оценит.

Рендеэль посмотрел на неё долгим взглядом.

– А иногда, – тихо сказал он, – тот, кто строит, просто не умеет иначе. Для него сам процесс – уже признание.

Она не ответила. Они проехали мимо дворца, мимо шумного рынка, где торговцы зазывали покупателей, мимо фонтанов, где резвились дети. Юлиана улыбалась, и в искрящийся воздух одна за другой взлетали её тёплые, живые реплики.

– Вы любите этот город, – сказал Рендеэль, замороженный её вдохновенным образом.

– Это мой дом, – просто ответила она. – Здесь каждый камень говорит на моём языке.

– Я понимаю, – кивнул он. – У меня тоже есть такое место. Скала Ветров в Эльдарии. Когда я там стою, мне кажется, что весь мир у моих ног. Но, – он сделал паузу, – почему-то рядом с вами я забываю, как это – чувствовать себя на вершине.

Она повернулась к нему. Лицо принца было спокойным, но в глазах плескалась та самая бездна, которая одновременно пугала и притягивала.

– Вы слишком много говорите комплиментов, Ваше Высочество, – сухо сказала Юлиана. – Это начинает походить на осаду.

– Осаду? – он усмехнулся. – Леди Глейс, я никогда не осаждаю. Я или штурмую, или просто... жду.

– Чего?

– Когда ледяная королева сама откроет ворота.

Их взгляды встретились, и воздух между ними зазвенел.

Кабриолет остановился внезапно. Оба вздрогнули и повернулись к огромному зданию. Перед ними в лучах полуденного солнца возвышалась Ламирийская Академия магии. Построенная из светлого камня, она поражала гармонией и лёгкостью, словно была соткана из самого света, порядка и знания.

Рендеэль вышел первым, подал Юлиане руку. Его взгляд был прикован не к величественному фасаду, а к её лицу, на котором снова появилась тень официальности, но уже без прежней ледяной скованности.

– Ну что ж, леди Глейс, – сказал он тихо, для неё одной.

– Ведите меня в сердце магии вашего королевства.

Она кивнула, принимая руку. Ладонь в перчатке, но его пальцы ощущались тёплыми даже сквозь ткань. Короткое прикосновение, от которого по её спине пробежал холодок.

Войдя под высокие своды главного зала, они попали в море людей. Сотни студентов и преподавателей заполнили пространство. Когда Юлиана и Рендеэль, сопровождаемые ректором, пересекли порог, тишина упала на зал, а затем грянуло приветствие. Юлиана замерла, ошеломлённая этим взрывом искренней энергии, а в зелёных глазах мелькнула растерянная теплота.

Пожилой ректор, профессор Агир, поднял руку, и зал

смолк с магической дисциплиной. Он пригласил покровительницу академии сказать несколько слов.

Юлиана поднялась на возвышение. Сердце колотилось где-то у горла. Она обвела взглядом зал, полный ожидающих лиц. И вдруг из первого ряда раздался восторженный юношеский возглас:

– Леди Глейс! Выходите за меня замуж!

Взрыв смеха прокатился по залу. Сам виновник, румяный светловолосый юноша, смотрел на неё с чистосердечным, безудержным обожанием. Рендеэль Игнийский не смог сдержать короткий, искренний смешок. И она тоже улыбнулась – широко, по-настоящему, и холодная маска растаяла без остатка.

– Молодой человек, – сказала леди, постучав обручальным кольцом по дереву кафедры, – вы опоздали лет на десять. Но я ценю смелость.

Зал снова взорвался смехом. А когда стихло, она заговорила:

– Говорят, что магия – это сила. Что она в кристаллах, в формулах, в древних рунах. Но я скажу вам то, чему учат здесь, в этих стенах. Магия – это не только сила. Магия – это терпение. Это умение ждать, когда росток пробьётся сквозь камень. Это умение слушать, когда мир молчит. И это умение любить даже то, что не отвечает взаимностью. Магия – это путь вашей души через огонь цели, боль учения, тьму познания – к свету истины. Каждый, кто пройдёт этот

путь, сможет обрести крылья и подняться над внутренней бездной. И понять, что лишь пройдя все шаги, вы сотворите себя.

Она говорила недолго, но каждое слово падало в тишину зала, и в этой тишине чувствовалось что-то большее, чем просто уважение.

Когда Юлиана закончила, аплодисменты были оглушительными. Рендеэль смотрел на неё, и свет из витражей падал на её тёмные волосы, создавая светлый ореол. В его груди kloкотало что-то дикое. Ему самому захотелось выкрикнуть что-то дерзкое, признать её своей перед всеми. Но он лишь стоял, сцепив за спиной пальцы так, что костяшки побелели.

После торжественного приёма ректор предложил экскурсию в лабораторию прикладной магии.

– Леди Глейс, – обратился он, – может быть, вы покажете Его Высочеству нашу гордость? Коллекцию изобретений наших выпускников?

– С удовольствием, – кивнула она.

Пройдя по величественным залам и коридорам со снующими студентами, они оказались у дверей лаборатории. Пространство внутри напоминало мастерскую безумного гения: столы, заваленные кристаллами, дымящимися составами и хитроумными устройствами. В углу стоял странный агрегат из меди и стекла, внутри которого мерцало голубоватое пламя.

– А это что? – спросил Рендеэль, указывая на него.

– Универсальный реактор преобразования мага Ярина, – ответила Юлиана с гордостью в голосе. – Он позволяет преобразовывать один вид магической энергии в другой. Ярин потратил на него двадцать лет. Он так ни разу и не женился, потому что всё время проводил здесь, с любимым детищем.

– Достойная жертва, – усмехнулся Рендеэль. – Хотя, на мой взгляд, двадцать лет в одиночестве – слишком высокая цена за любой реактор.

– Для кого-то наука и есть любовь, – парировала она. – Вы, драконы, должны это понимать. Вы же живёте долго. Неужели никогда не влюблялись в то, что нельзя потрогать?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Влюблялся, – тихо сказал он. – В то, что нельзя потрогать.

Юлиана резко отвернулась, делая вид, что рассматривает соседний стенд. Она чувствовала, как кровь приливает к щекам.

– Вот это, – указала она на витрину с кристаллами, – наша коллекция редких ардиумных образований. Этот, например, – она ткнула пальцем в тёмно-фиолетовый камень, – называют «Глазом Ночи». Если смотреть в него достаточно долго, можно увидеть своё будущее.

– И вы смотрели?

– Нет. Я не любительница заглядывать вперёд. Предпочитаю строить настоящее.

– Мудро, – кивнул он. – Но иногда будущее само загляды-

вает в тебя.

Их взгляды снова встретились. Юлиана первой отвела глаза.

Под предлогом, чтобы лучше рассмотреть схему на стене, Рендеэль придвинулся ближе. Его плечо почти касалось её плеча. Голос приобрёл более низкий, интимный тембр.

– А это что за чертежи?

– Проект стабилизации порталов мага Вайса, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Он так и не был завершён. Вайс влюбился в эльдарскую студентку и сбежал с ней, бросив всё.

– Романтично, – заметил Рендеэль. – Значит, даже великие маги способны на глупости ради любви.

– Или на предательство, – тихо сказала Юлиана. – Смотря с какой стороны посмотреть.

Он не ответил. Только смотрел на неё, и под этим прожигающим взглядом нежная кожа на её шее покрывалась лёгкими мурашками.

Юлиана чувствовала это волной тепла, накатывавшей с каждым его шагом. Речь её стала чуть отрывистее. Отчаянно пытаясь восстановить защиту, она сделала последнюю попытку возвести стену.

– Да, Академия гордится своими сыновьями и дочерьми, – сказала она, заставляя голос звучать твёрже, и повернулась к нему. – Мой супруг, Верховный маг Арис, тоже выпускник этих стен.

Она произнесла это имя как заклинание, как оберег. Но эффект оказался обратным. Услышав имя соперника, глаза Рендеэля Игнийского вспыхнули ярче. В них мелькнул азарт и тёмная драконья жажда обладания тем, что уже имеет хозяина.

– Неудивительно, – сказал он, и в голосе зазвучала бархатная хрипотца. – Только здесь могли взрастить человека, способного оценить и завоевать такое сокровище.

Он сделал паузу, давая словам осесть в тишине лаборатории. Потом наклонился ближе, так, что его шёпот уловила только она:

– Но знаете, леди Глейс, драконы славятся тем, что различают в сокровищах не только внешний блеск, но и скрытое пламя. Для нас истинная ценность – не в оправе, а в том, что внутри. И мы верим: пламя, рождённое внутри, должно гореть рядом с подобным себе. Иначе оно просто погаснет.

Его взгляд упал на её губы, задержался на мгновение, а потом вновь встретился с её глазами.

– Вы когда-нибудь задумывались, леди, – прошептал он, – каково это – гореть в полную силу? Без оглядки на долг, на статус, на чужие ожидания? Просто быть собой?

Она не ответила. Не могла. Слова застряли в горле.

Он выпрямился, делая вид, что снова рассматривает приборы, но атмосфера стала взрывоопасной. Его целенаправленное обаяние мощными волнами захлёстывало её, проникая сквозь бреши в броне.

Леди Юлиана стояла, держась за край стола. Её разум твердил о долге, о муже, о том, что это опасно, неправильно, немыслимо. Но тело, нервы, кровь – всё откликалось на близость этого дракона. Мурашки бежали по коже, в животе теплился странный, запретный жар.

Экскурсия превратилась в изысканную осаду. И в этот момент самое большое и опасное чудовище стояло рядом с ней и желало её с силой древней, неумолимой стихии.

– Леди Глейс, – раздался голос ректора от doors, – может быть, теперь в библиотеку? Там у нас собраны древнейшие фолианты...

Юлиана вздрогнула, словно очнувшись от сна.

– Да, конечно, – ответила она, и голос прозвучал на удивление ровно. – Прошу за мной, Ваше Высочество.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.